

ЯША ХАЙН

УЛИТКА СЧАСТЬЯ

Яша Хайн

Улитка счастья

«Издательские решения»

Хайн Я.

Улитка счастья / Я. Хайн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904721-2

Поэзия и проза Яши Хайна очаровывают своей тонкостью, ёмкостью и кинематографичностью. Великолепные, мудрые и неожиданные образы и эпизоды глубоко философичны, искренни и просто околдовывают читателя. Красочность его поэзии позволяет окунуться в волшебный ручей фантазии, стать чище и вспомнить прелесть ощущений, присущих детству: лёгкость сердца, способность смотреть с удивлением на окружающий мир. Впустите в сердце чудо творчества Яши Хайна, и оно разольется в крови волнением и теплом.

ISBN 978-5-44-904721-2

© Хайн Я.

© Издательские решения

Содержание

Стихи	6
Помнишь, пальцы твои на лице моём таяли	7
Любить наивно, словно тот лопух	8
Сюрреалистическое сонливое	9
Субботний вечер	10
Так повезло – сошёл с ума	11
Жить – несмотря на то, что дни короче	12
Упасть, не раздеваясь, на постель	13
Клочки небесной грязной ваты	14
Судьбы твоей и правда, и вина	15
Пытаясь нащупать правильный рот	17
Как солнце в море погибает	18
Улитка счастья	20
Последнее лето	21
Кусочек счастья – без пилюль	22
Смиренный вопрос, без права на вечность	23
Тель-Авив – плеейбой	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Улитка счастья

Яша Хайн

Фотограф Мария Прейгер

© Яша Хайн, 2018

© Мария Прейгер, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-4721-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи

Любить наивно, словно тот лопух

Искать вину и правду вне себя,
Смотреть спектакли жизни без билета,
Глазами улыбаться голубям,
Прикрывши рот сиреневым букетом.

Поняв, как в небе облака текут,
В течение семнадцати мгновений —
Ловить зрачками солнечный лоскут
И прятаться за ветками сирени.

Любить наивно, словно тот лопух,
Который вечно лезет под повозку,
Морщинки, ямочки чужих старух
И неуклюжесть худеньких подростков.

Прекрасны сказки – ласковой волной
Согреют сердце и прогонят холод, —
Когда же этот панцирь голубой
Был жизнью так безжалостно проколот?

Спектакли ночи – не моя вина:
Замкнувши круг, услышим злую повесть,
Что жизнь, как чаша, – выпита до дна
И в буднях серых – высосана совесть.

Очнуться, провожая взглядом тень,
Услышать – утро зимнее зевает,
И плещется в дожде весёлый день,
И ночь в туманной дымке исчезает.

Сюрреалистическое сонливое

Понять нюансы, шорохи и отголоски тишины,
Отмерить яда поцелуев в миллиграммах,
Вкушая зелье, улететь за тонкий ободок луны,
Залезть на острый пик своей кардиограммы

И... распластавшись среди звёзд, влететь, как беглое звено,
В твой тёплый сон, в котором мы – обручены давным-давно,

Обручены – голубоватым, тонким ободком луны.

Субботний вечер

Субботний вечер, я плыву по сини
Безбрежных и смеющихся небес;
Ко мне уже утратил интерес
И журналист, и город в никотине.

Гордась своим присутствием на карте,
Мечта, прохладным октябрём звеня,
Рулетку раскрутила без меня
В хмельном, всепоглощающем азарте.

Тем временем, ловя тепло по каплям,
Живя в тени, забыв про календарь,
Любуюсь – как красуется фонарь
В прозрачной, нежной луже – и пока я

Бессилен вслух произнести банальность,
Пока шершавый мостовой асфальт
К груди прижал бордовый лист-медаль,
Пока мечта не рухнула в реальность —

Я буду здесь. Надеюсь, что когда-то
Проявит город личный интерес,
Гадая – как бордовый лист воскрес
В петлице Неизвестного Солдата?

Так повезло – сошёл с ума

Так повезло – сошёл с ума.
Не то, что был умён уж очень;
Без обвинений и суда,
Ведь псих – навечно непорочен.

В мозгу – прыжки и чехарда,
И ясность мысли не приемлю:
Несутся в небе поезда,
Их окна падают на землю.
Там из стекла растут цветы,
Хрустали синей цветоложе,
Бутоны зеркальной чистоты,
В котором выгляжу моложе.
И в отражении – ландшафт,
В нём, головой кивая низко,
С цветами пьёшь на брудершафт,
А я стою к тебе так близко —

Вся жизнь уложена в черты
И в прядь волос белесой стали.
Остекленевшие цветы
С улыбкой пьяной наблюдали,
Как я – раздроблен изнутри,
Но внешне молод и нелепен,
Кричу тебе: «Смотри, смотри —
Как поезда несутся в небе!»

В мозгу – цветы и кутерьма.
Обман, предательство – снаружи.
Так повезло – сошёл с ума,
Снаружи – может быть и хуже.

Жить – несмотря на то, что дни короче

Мне в молодости ночью говорили,
Скрывая нежность под помадой алой —
Забудутся твои ошибки, милый,
А если нет – прикроем одеялом.

Дырявых простыней, проступков тени,
Чтобы от памяти земной укрыться,
От суеты и пагубных решений,
И вновь – бездумно в радугу влюбиться.

Жить – несмотря на то, что дни короче,
Дразня цветущей липы ароматом,
Украсть покой у светлой, лунной ночи,
Провозгласив, что я – твой император.

Поведать надзирателю-народу,
Прикрывшись саркастической улыбкой,
Что за ошибки – я плачу свободой,
И ты – моя любимая ошибка...

Упасть, не раздеваясь, на постель

«Заснуть не раздеваясь – привилегия молодых, пьяных и усталых».
Я. Хайн

Упасть, не раздеваясь, на постель,
Покрытую цветастым одеялом,
Сменив хамсин¹ песчаный на метель,
Перебирая сны ночные вяло.

Зимы, метели нежная печаль...
Ведёт, петляя, к старости дорога.
И мне себя уже совсем не жаль,
А если жаль – то жаль тебя немного
За то, что скрыла в девичьей груди
Тревогу, чтоб весною не мешала
На холмик чистой радости взойти,
За то, что о зиме со мной мечтала.
В сухой, горячий, молодой хамсин
Учила петь, учила не сдаваться,
Шептала – «Ты мой вечный господин...»
Мечтам весенним суждено сбываться:

Гортанный голос вскоре зазвучит,
Отодвигая время и пространство,
И, улыбаясь, в память заключит —
Любовь – сразившую судьбы упрямство.

¹ Хамсин (арабский) – сухой ветер, перемещающийся из пустынь Северной Африки.

Клочки небесной грязной ваты

Не думалось, что мне так будет больно
И сумасшествием ночным чревато,
Когда клочки небесной, грязной ваты
Забьют артерии луны бездольной...

Судьбы твоей и правда, и вина

Полоска жёлтая у моря, горы.
В тех скалах ягоды лесные не растут.
Согреться солнцем в дырке синей шторы —
Так создают на юге временный уют.

Не злись – на юге будет всё, как скажешь.
Обнимет сердце сладкий розовый миндаль;
Забудь, как на Балтийском диком пляже
Сосновый ветер ныл про серую мораль.

Забудь холодный край, где так убоги
Дороги и дома в болотистой глуши,
Где брови и глаза предельно строги,
И подбородки смелы – на один пошив.

Забуть – от памяти шальной укрыться,
О ягоде лесной мечтая в тишине?
В горячей, южной позе возмутиться:
«Зачем холодный север помнит обо мне?»

Кислит во рту от клюквенного сока.
Не надо прошлых зим, их белой пелены.
Сквозь дырочку мне греет солнце щёку,
Бывает, в солнца луч – как в вечность влюблены.

А вечность, отвечая цепким взглядом,
Шепнёт: «Теплу и солнцу есть своя цена, —
И в том, что ягод нет лесных здесь, рядом, —
Седой судьбы твоей – и правда, и вина».

Пытаясь нащупать правильный рот

Мелькание глаз, огней и витрин,
Луч луны холодный и жёсткий
В надежде прорваться сквозь лабиринт
Улиц города – на подмости
Театра, в котором каждый, как крот,
Ищет свет вслепую, тоскуя,
Пытаясь нащупать правильный рот
И убить печаль в поцелуе.

Тревожный напев, зачем же скрывать —
Луч на сцене, я – в середине.
«Не больно ли так, при всех, целовать
Эту рыжую в крепдешине?»
Я еду домой, с собой увожу
Рыжий свет – мне больше не надо.
«Не больно ли мне? – Я завтра скажу», —
Добавляю миру загадок.

Как солнце в море погибает

Декабрь и нет дождя. Жара,
Короткий день так быстро тает.
Слова бегут из-под пера,
И солнце в море умирает.

Быть тоньше – выбирать слова,
Точнее – выбирать и время,
Для слов, которые бросал
В закат – а солнце, в красном шлеме,

Не понимая, что в огне
Сейчас умрёт – ласкало море,
Светило нежностью – в окне,
На кухне, в узком коридоре.

В предсмертной, пламенной мольбе
Слова, покрывшись позолотой,
Неметь хотели и скорбеть
О солнце – молчаливой нотой.

Декабрь и нет дождя. Овал
Оконный сдержанно блистает.
На все слова сейчас плевал —
Ведь солнце в море погибает.

Улитка счастья

Тепло и вкусно так под одеялом,
Крадётся тихо по ступенькам ночь,
В мои ладони медленно вползала
Улитка счастья – ветренная дочь
Росы и листьев, падавших несмело
В ручьи и лужи, – плавая в воде
И упиваясь небом чёрно-белым,
Листва шептала Северной Звезде
О том, как, покрывая снегом горы,
Зима стучится ветром в наши сны,
И тучи, словно бархатные шторы,
Прикрыли свет. Дыхание весны
Ещё не близко, – лишь под одеялом
Улитка счастья, пальцы теребя,
Напоминает – жизнь не перестала
Любить, ласкать и согревать тебя.

Такие сны случаются не часто,
А главное – не раздавить запыльем
Улитку мокрую – за миг до счастья.

Последнее лето

В синих, знойных краях рассчитали на длинное лето
Стены комнат, мечты и вино, и девиц туалеты,
И накал фиолетовых красок пророческих снов,
Отвергающих смерть до прихода густых холодов.

Только это последнее лето – легко, быстротечно
Пронеслось, как пылающий факел, светя безупречно.
Отгорели, как пламенный флаг, накалив кирпичи,
Неотступные, жгучие мысли, исчезнув в ночи.

Дерзость нового дня отмела всю покорность бессилья,
Порождая сквозь бледный восход треугольные крылья,
Призывая к свободе лететь, не роняя пера,
До последней строки, до последнего лета... Вчера

Пожелтела листва. Не оставив на рельсах следа,
Пропыхтел паровоз, небо хмурилось, и в холода
Уходила душа, по небесному шару следя,
и мерцали в бездонном ущелье глаза, уходя...

Кусочек счастья – без пилюль

Мгновенья вечера из пыли
И красные судьбы глаза,
Две точки – свет автомобиля,
Растерянный, немой вокзал.
Асфальт в рубашке тёмно-серой
Блестел, а в лужах пустырей
Мерцали зыбкие фужеры
Ночных, чугунных фонарей.

Весь город в тихой летней страсти
Подставил нам своё лицо,
Кружился в неге соучастной
И сыпал ангельской пылью.
Там ты была ещё любимей,
Прозрачна, словно бальный тюль,
Без тяжести дневной и грима,
Кусочек счастья – без пилюль.

Смиренный вопрос, без права на вечность

Навеяно молитвами Судного дня

Смиренный вопрос, без права на вечность,
Ещё далека дворовая слякоть,
Знакомый мотив, как запах аптечный,
Зачем же, еврей, молиться и плакать?
Тебе же не больно, – скажем, немножко
Трясёт в лихорадке слабое тело,
Белеют мозолистые ладошки
Вцепившись в скамью. А вечность звенела:

Послушай мой друг, ты всё-таки выжил.
Удушливый пепел в том небосводе,
Смотри мне в глаза, подвинься поближе,
Не плачь – тяжело тебе на свободе?
Тебе от свободы некуда деться?
Смотри, как луна по небу гуляет.
Тяжёлая память, нежное сердце,
И вечность тебя всегда обласкает.

Вручив монпансье, кусочки зефира
И шею замазав алой помадой,
Весёлая вечность светлого мира
Смеётся и дышит лунной прохладой.
Ночной поцелуй, простая награда
И вечности неразборчивый лепет:
Не плачь мой еврей, так плакать не надо,
Смотри, как луна красуется в небе...

Тель-Авив – плейбой

Неспящий город, комнаты и крыши,
Несутся тени в гонке лиц слепой,
Используя прохладное затишье,
Вкушает негу Тель-Авив – плейбой,
И бесшабашно двери на запоре
Ломают Тель-Авив десятки лет,
Зовя любовь и отменяя горе —
Ликует небо в честь его побед.

Чудесный город – для людей в обносках,
Для молодых – он так честолюбив,
Для стариков и беженцев сиротских,
И для детей – любим и терпелив.
Он – в барах бесподобных и похуже,
Где все равны, и где открыта дверь
Для тех, чья жизнь – листва в прозрачной луже,
Будь ты студент или миллиардер.

Когда к утру свой плащ срывает море
И в омут страсти падает поэт,
И нет дверей, и страхов на запоре,
И городу лишь шторм гудит в ответ —
Тогда шальная шуба дождевая
Покроет мокрый город Тель-Авив
И молвит томно туча озорная:
«Плейбой – возьми с собой... презерватив».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.